

О ЯЗЫКЪ

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМЪ,

ЕГО НАЧАЛЪ,

образователяхъ и историческихъ судьбахъ.

СОЧИНЕНІЕ

КОНСТАНТИНА ЗЕЛЕНЕЦКАГО.

Одесса.

Печатано въ типографіи А. Брауна.

1 8 4 6.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Одесса, Марта 8-го дня 1846 года.

Ценсоръ *В. Пахманъ*.

2007089248

ПАМЯТИ

МИХАИЛА ТРОФИМОВИЧА

КАЧЕНОВСКАГО

благотворительное посвященіе.

Цѣль излагаемой книги состоитъ въ томъ, чтобы сообщить любителямъ отечественнаго возможно полное и отчетливое изложеніе какъ современныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ, касательно языка употребляемаго въ нашемъ Богослуженіи, такъ и судебъ его съ IX-го стол. по наше время. Для достиженія этой цѣли, сочинитель собиралъ и сводилъ отдѣльныя мнѣнія ученыхъ, занимавшихся этимъ предметомъ, и, гдѣ было надобно и возможно, самъ дѣлалъ выводы, казавшіеся ему наиболѣе правдоподобными.

стр.

Мнѣнія о томъ, кѣмъ и когда совершенъ былъ первоначальный переводъ книгъ Св. Писанія на Славянскій языкъ и когда изобрѣтена была Кирилловская азбука 5.

Кириллъ и Меѳодій. Ихъ первые годы и посланіе къ Хозарамъ и въ Моравскую землю. Дѣла ихъ съ Римомъ. Какія книги Св. Писанія перевели они 19.

На какое изъ Славянскихъ нарѣчій совершенъ былъ переводъ книгъ Св. Писанія? различныя мнѣнія ученыхъ по этому предмету 40.

Послѣдующія судьбы языка Церковнаго у Западныхъ и Восточныхъ Славянъ и его древнѣйшіе рукописные и печатные памятники. Его грамматики и словари. Церковно-славянскія типографіи 59.

О Глагольской азбукѣ и письменности 102.

Церковно-Славянское нарѣчіе есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи образованія и развитія языковъ. Все бытіе свое оно получило отъ перевода книгъ св. писанія и книгъ церковныхъ на одно изъ Славянскихъ нарѣчій юго-восточной отрасли. Посему, въ первоначальномъ родникѣ своемъ, языкъ этого перевода заключалъ въ себѣ живое народное слово. Въ книжной же обработкѣ фразъ и выраженій внесены были въ него слова и формы Греческія. Божественность содержанія сплавила эти двѣ разнородныя стихіи языка въ одно цѣлое, которое всего опредѣлительнѣе характеризуется своимъ обыкновеннымъ названіемъ языка или нарѣчія Церковно-Славянскаго. Ни у одного изъ Славянскихъ племенъ нарѣчіе это не служитъ языкомъ народнымъ, но у всѣхъ православныхъ оно есть языкъ Церкви. И этотъ языкъ Православія

никогда не оставался языкомъ мертвымъ, подобно Латыни Запада. Получивъ начало въ живомъ словѣ народа, онъ и въ послѣдствіи не разлучался съ нимъ. Такимъ образомъ, хотя въ Болгаріи, Сербіи и Россіи языкъ церковный оставался всегда однимъ и тѣмъ же, чему доказательствомъ служатъ наши печатныя церковныя книги, распространенныя въ новое время въ этихъ земляхъ и равно доступныя всеобщему пониманію,—всюду однакожь, въ этихъ земляхъ, языкъ Богослужебный имѣлъ вліяніе на языкъ народа и находился съ нимъ въ живой и постоянной связи. Ближайшимъ подтвержденіемъ этихъ словъ можетъ служить нашъ Русскій языкъ, который съ теченіемъ времени принялъ въ себя столь многое изъ языка церковнаго. Далѣе, во всѣхъ этихъ странахъ, языкъ церковный, въ свою очередь, подвергался вліянію языка народнаго. Онъ былъ въ употребленіи у всѣхъ восточныхъ Славянъ, въ кругу духовенства и людей книжныхъ. На немъ исключительно писали они. Изъ книгъ, составлявшихъ его письменность, черпали они всѣ тѣ изрѣченія, которымъ хотѣли придать особенную силу въ обыкновенномъ разговорѣ. Духовенство не только въ проповѣдяхъ и поученіяхъ, но и въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ мірянами, употребляло выраженія изъ книгъ церковныхъ и возвышало этимъ достоинство и тонъ рѣчи. Такимъ образомъ языкъ церковный нечувствительно сближался съ народнымъ и устранялась всякая возможность принимать первый изъ нихъ за какое нибудь нарѣчіе, чуждое общественному пониманію и извнеъ принесенное. Народъ принималъ это нарѣчіе за свое собственное, хотя за такое, которое посвящено Господу и его Церкви и слѣдовательно возвышается особымъ величіемъ и прелестью. Все это подтверждаетъ слова, сказанныя нами выше сего, что церковный

языкъ не былъ никогда языкомъ мертвымъ , какимъ считали его нѣкогда и нѣкоторые. Въ каждомъ изъ Славянскихъ племенъ , которыя употребляютъ его , онъ находился въ постоянномъ взаимодействіи съ языкомъ народнымъ , подвергалъ его своему вліянію и , въ свою очередь , самъ дѣлалъ уступки и сближался съ нимъ. Эти уступки и сближенія были однакожь съ его стороны гораздо менѣе , нежели со стороны противной. Оттого то , хотя въ позднѣйшее время и произошла разница между Церковно-Славяно-Русскимъ , Церковно-Славяно-Сербскимъ и Церковно-Славяно-Болгарскимъ языкомъ ; но разница эта была слишкомъ незначительна , такъ что , какъ мы уже упомянули , Церковныя книги нашей Русской редакціи и печати могли совершенно удобно служить въ Болгаріи и Сербіи. Незначительность этого различія объясняется тѣмъ , что первоначальный источникъ былъ одинъ и тотъ же. Тѣ , которые называютъ церковный языкъ нашъ мертвымъ , не могутъ указать на ту эпоху , когда изъ живаго превратился онъ въ мертвый. Кириллъ и Меѳодій не могли сдѣлать этого трудомъ своимъ : они только возвысили простой , народный языкъ на степень богослужебнаго и дали ему особый отливъ , въ слѣдствіе Греческаго подлинника книгъ Св. Писанія.

Языкъ церковный имѣетъ свою письменность и литературу , которой развитіе продолжается и нынѣ , именно въ духовныхъ сочиненіяхъ православныхъ учителей Церкви. Отличіемъ этой литературы отъ всякой другой служитъ ея святость , божественное цѣломудріе помысловъ и возвышенность стиля. Для насъ изученіе Церковно-Славянскаго языка , его исторіи , литературы и судьбы важно и поучительно всего болѣе. Вспомнимъ , что это

языкъ нашей церкви и предковъ; что онъ имѣлъ рѣзкое и продолжительное вліяніе на все наше народное образованіе; что онъ много содѣйствовалъ освобожденію нашей письменности отъ вліяній иноземныхъ. — Въ настоящемъ случаѣ , прежде всего мы обратимъ вниманіе на вопросъ : гдѣ и къмъ первоначально совершенъ былъ переводъ книгъ св. писанія на Славянскій языкъ и рассмотримъ его критически.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мнѣнія о томъ , кѣмъ и когда совершенъ былъ первоначальный переводъ книгъ Св. Писанія на Славянскій языкъ, и когда изобрѣтена была Кирилловская азбука.

Въ кругу западно-Славянскаго духовенства долго существовало мнѣніе—отчасти поддерживаемое и теперь—будто переводъ книгъ св. писанія на Славянскій языкъ совершенъ былъ еще въ IV вѣкѣ блаженнымъ Іеронимомъ , уроженцемъ Далматскимъ, изобрѣтшимъ будто-бы и азбуку Славянскую (¹). Въ подтвержденіе этого, приводятъ слова самого Іеронима, сказанныя имъ въ посланіи къ нѣкому Софронію : « со всевозможнымъ стараніемъ исправя переводъ св. писанія, я давно уже передалъ его людямъ языка моего. » Тѣже почти слова повторяетъ блаженный Іеронимъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій. Въ этихъ словахъ выраженіе : « людямъ языка моего » конечно весьма важно. Кого разумѣетъ подъ ними авторъ? Самъ онъ былъ родомъ изъ Далмаціи, но въ то время, именно въ IV вѣкѣ, въ этой землѣ не было еще Славянскаго племени, которое, какъ извѣстно, переселилось туда изъ своихъ первоначальныхъ жилищъ великой Сербіи и Болгаріи , только въ царствованіе Императора Ираклія, между 610 и 641 годами. При томъ изъ достовѣрныхъ источниковъ , и именно изъ Эразма Ротердамскаго ,

(¹) Въ изслѣдованіи г. проф. Новицкаго: « О первоначальномъ переводѣ св. Писанія на Славянскій языкъ » статья о томъ, что не бл. Іерониму принадлежитъ этотъ переводъ отдѣлана съ большимъ искусствомъ и ученостью. Намъ оставалось только привести ея результаты.

знаемъ мы, что блаженный Іеронимъ былъ происхожденіемъ Римлянинъ и природнымъ языкомъ своимъ имѣлъ Латинскій. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ нигдѣ не говоритъ, что знаетъ языкъ Славянскій, а тѣмъ менѣе, что сдѣлалъ на него какой либо переводъ церковныхъ книгъ. Изъ сочиненій этихъ напротивъ съ очевидностью можно усмотрѣть, что ему извѣстны были только три языка: Еврейскій, Греческій и Латинскій. На сей то послѣдній совершилъ онъ свой переводъ св. писанія, который извѣстенъ подъ именемъ Вульгаты. Слѣдовательно, мѣста въ сочиненіяхъ блаженнаго Іеронима, подобныя вышеозначеннымъ, по здравому смыслу, должно относить не къ Славянскому, но къ Латинскому переводу книгъ св. писанія. Наконецъ изъ самой жизни блаженнаго Іеронима нельзя не видѣть, что мужъ этотъ жилъ постоянно въ Римѣ и на Востокъ; въ зрѣломъ возрастѣ не посѣщалъ земель Славянскихъ и занятъ былъ вообще экзегетическими трудами надъ св. писаніемъ, которое перевелъ на господствовавшій тогда Латинскій языкъ. По всему видно, что онъ, хотя и родился въ Далмаціи, мало обращалъ вниманія на Славянъ.

Несправедливо также приписывали блаженному Іерониму изобрѣтеніе такъ называемой Глаголито-Славянской азбуки, которая долго носила его имя и которая составляетъ нынѣ предметъ глубокомысленныхъ разысканій многихъ Славянофиловъ. Мы будемъ имѣть случай говорить о ней далѣе.

Умалчиваемъ о прочихъ обстоятельствахъ, которыя приводимы были въ подтвержденіе Славянскаго перевода книгъ св. писанія, сдѣланнаго будто бы въ Западной церкви. Таково на-примѣръ преданіе о распространеніи христіанской вѣры въ V столѣтіи у Скифовъ, разумъя подъ ними Славянъ,—преданіе, которое, будучи нео-

предѣлительнымъ само по себѣ, ни мало не говоритъ въ пользу Іеронимова перевода. Таковъ еще сказаніе нѣкоторыхъ Богемскихъ писателей XVI ст. и между прочимъ Дубровскаго и Велеславина, о томъ, что Богемцы изстари считали блаженнаго Іеронима переводчикомъ книгъ св. писанія на Славянскій языкъ, и что этому вѣрилъ и знаменитый благодѣтель Богеміи, Императоръ Карлъ IV. Все это сказаніе, равно какъ и вѣрованіе Императора, не представляетъ собою никакого исторически-достовернаго основанія.

Прежде нежели мы перейдемъ къ доказательствамъ того, что переводъ книгъ св. писанія составляетъ достояніе преподобныхъ мужей Кирилла и Меѳодія, изложимъ еще мнѣнія о томъ, что изобрѣтеніе Славянской азбуки и начало перевода, хотя и не принадлежатъ блаженному Іерониму, но все таки относятся ко временамъ до-Кирилловскимъ и совершены въ Восточной Церкви.

Предположенія о первобытной Славянской азбукѣ велись еще съ давнихъ временъ. Такимъ образомъ еще Странскій думалъ, что какое то особое древне-Русское (*ruthenische*) письмо было въ употребленіи у древнихъ Богемцевъ. У насъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, многіе твердили о такъ называемой Рунной азбукѣ, будто бы первобытной Славянской; говорили, что ею написаны были какія то провѣщанія Новгородскихъ языческихъ жрецовъ; и утверждали, что Кириллъ и Меѳодій составили свою азбуку изъ этихъ рунъ съ прибавленіемъ только нѣкоторыхъ буквъ изъ Греческой и другихъ азбукъ, подобно тому какъ епископъ Ульфиласъ составилъ особую готическую азбуку изъ сѣверныхъ рунныхъ, Греческихъ и Латинскихъ буквъ. Но переходимъ къ мнѣніямъ болѣе важнымъ и наукообразнымъ.

Раковецкій, при изданіи Русской Правды, высказалъ мнѣніе, что образованность Славянъ, ихъ письменна и даже переводъ книгъ св. писанія на ихъ языкъ относятся ко времени гораздо болѣе раннему, нежели то, въ которое жили преп. Кириллъ и Меѳодій. «До насъ не дошло, говоритъ Раковецкій въ первой части своего труда⁽²⁾, письменныхъ памятниковъ Славянскаго язычества⁽³⁾. Когда Славяне приняли Христіанство, библейскія и церковныя книги переведены были съ Греческаго на ихъ языкъ. Этотъ переводъ есть единственный памятникъ, по которому можно судить о томъ, каковы были свойства языка Славянскаго до принятія христіанства. Кто основательно изучитъ древній церковно-Славянскій языкъ и сравнитъ съ нимъ другія единоплеменные нарѣчія, тотъ убѣдится, что языкъ этотъ представляетъ собою неисчерпаемый источникъ для дальнѣйшаго обогащенія всѣхъ ихъ. При томъ свѣдѣніи о древнихъ Славянахъ имѣемъ мы не отъ собственныхъ, но отъ чужеземныхъ писателей, которые вообще называютъ Славянъ грубымъ и дикимъ народомъ и неохотно приписываютъ имъ лишь нѣкоторыя качества, какъ то: храбрость, правоту, гостепріимство и друг. Языкъ Славянскій называютъ они просто *lingua barbara*. Чацкій, Ломоносовъ и друг. говорятъ, что Славянскій языкъ только тогда получилъ прочное основаніе, когда обогатился переводомъ книгъ св. писанія. Соглашаясь съ этимъ, спрашиваю однакожь: возможно-ли, чтобы св. писаніе, въ которомъ такъ много высокихъ понятій и есть цѣлыя книги, написанныя возвышеннымъ, поэтическимъ

(2) I. B. Rakowiecki Prawda Russka. Warch 1820—22. Ч. I. стр. 57 и слѣд.

(3) При изданіи первой части этого труда не были еще извѣстны памятники Богемской письменности, относящіеся къ языческимъ временамъ и открытые Ганкою.

слогомъ, могло быть переведено на языкъ до того времени необразованный и дикій и переведено съ такою легкостью, силою и прелестью ⁽⁴⁾? Былъ ли возможенъ этотъ переводъ безъ готоваго запаса словъ и выраженій? Известно, что языкъ совершенствуется постепенно, вмѣстѣ съ успѣхами образованности; а Славяне отличались ею еще съ древнѣйшихъ временъ. За-долго до принятія Христіанства они имѣли города, села, занимались торговлею и ремеслами и были хотя язычниками, но не варварами. Все это необходимо ведетъ къ предположенію, что и языкъ ихъ былъ образованъ. Подтвердить это можно положительными фактами. Отъ языческихъ Славянъ дошло до насъ много словъ и выраженій, относящихся къ гражданской и частной жизни; а это самое показываетъ, что языкъ ихъ очевидно сохранилъ слѣды своего первобытнаго происхожденія. Обратимъ вниманіе на названія мѣсяцевъ, бывшія у нихъ въ употребленіи за-долго до Р. Хр., на множество сильныхъ словъ, оборотовъ и выраженій, на высокіе и изящные эпитеты Существа Высочайшаго, которые встрѣчаемъ въ библии. Могъ ли грубый, варварскій народъ имѣть столь много собственныхъ выраженій, чтобы прямо приступить къ переводу св. книгъ?

«Можно также думать, продолжаетъ Раковецкій, что Славяне, до принятія Христіанства, обладали не только искусствомъ письма, но и многими письменными произведеніями. Могли-ли жрецы Славянскіе не имѣть книгъ, послужившихъ основаніемъ позднѣйшему гражданскому праву этого народа? Могъ ли самъ народъ не передать потомству

(4) Справедливость требуетъ замѣтить, что въ наше время св. писаніе переведено на множество языковъ, даже самыхъ необразованныхъ и грубыхъ. Но хорошо ли? Вотъ въ чемъ вопросъ.

своихъ героическихъ преданій? Если у Американцевъ находимъ слѣды письменъ, то почему не предположить ихъ у Славянъ, народа, который имѣетъ столь-же древнюю образованность ^(*)?

«Изъ всего этого, говоритъ нашъ авторъ далѣе, можно заключить, что Славяне еще до Кирилла и Меѳодія имѣли свои письмена. Противъ этого конечно возстанетъ строгій, притязательный критикъ и спроситъ: гдѣ этѣ книги; отчего не дошли онѣ до насъ, подобно Еврейскимъ, Греческимъ, Латинскимъ, Арабскимъ и проч.» Тутъ Раковецкій подробно изложилъ какимъ образомъ не только памятники Славянскаго язычества, но и многія позднѣйшія Церковныя рукописи, истреблены были пламенемъ, которое распространяли по Славянскимъ землямъ завоеватели. За симъ онъ продолжаетъ:

«Исторія говоритъ, что многіе Славяне издавна находились при дворѣ Византійскомъ; что напримѣръ, въ VIII вѣкѣ Славянинъ Никита былъ Патріархомъ Константинопольскимъ. Это заставляетъ думать, что съ VIII столѣтіи и многіе изъ Славянъ были уже христіанами. При томъ за долго до Кирилла и Меѳодія Славяно-Сербы жили въ Македоніи, гдѣ и до нынѣ находится городъ Сербица, неподалеку отъ Фессалоникъ, и имѣли въ странѣ этой свои монастыри, въ которыхъ иноки могли служить литургію на отечественномъ языкѣ. Изъ среды ихъ конечно избраны были Константинъ и Меѳодій. Мужи сіи взяли съ собою, продолжаетъ Раковецкій, уже готовыя богослужебныя книги и только дополнили, списали и распространили ихъ на Западъ. Выше сего уже замѣчено было, что

(*) Отъ древнихъ Американцевъ дошли до насъ слѣды именно того письма, которое предполагаетъ собою невозможность всякой письменности. Письмо это, какъ извѣстно, есть изобразительно-символическое.